

Научная статья

УДК 1.123

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10506

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА: СПЕЦИФИКА ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОПОНИМАНИЯ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ

Павел Александрович Горохов^{1✉}, Константин Александрович Шпека²

¹ Оренбургский филиал РАНХиГС

² Уральский государственный медицинский университет

¹ erlitz@yandex.ru ✉

² kshpeka@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0347-3183

Аннотация. В статье рассматривается онтологическая основа правового нигилизма. Анализируется преобразующая сущность человека, его двойственная природа, роль права и морали в становлении человека, понятия правосознания и правопонимания в аспекте их сопоставления с понятием кризиса. Рассмотрены права человека с точки зрения их ограничения. Дана попытка ответить на вопрос, в чем истинные границы прав человека.

Ключевые слова: право, социальный кризис, правовой нигилизм, мораль, ценность, бытие, становление, труд, практика, существование, бытие человека, права человека, ограничение прав, правосознание, правопонимание

Для цитирования: Горохов П. А., Шпека К. А. Философские основания ограничения прав человека и проблема правового нигилизма: специфика правосознания и правопонимания в переходную эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 5 (463). Философские науки. Вып. 64. С. 41—51. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10506.

Original article

PHILOSOPHICAL FOUNDATION FOR THE RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND THE PROBLEM OF LEGAL NIHILISM: THE SPECIFICS OF LEGAL AWARENESS AND LEGAL UNDERSTANDING IN THE TRANSITIONAL ERA

Pavel A. Gorokhov^{1✉}, Konstantin A. Shpeka²

¹ Orenburg branch of RANEPА

² Ural State Medical University

¹ erlitz@yandex.ru ✉

² kshpeka@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0347-3183

Abstract. The article considers the ontological basis of legal nihilism. The article analyzes the transformative essence of a person, his dual nature, the role of law and morality in the formation of a person, the concepts of legal awareness and legal understanding in the aspect of their comparison with the concept of crisis. Human rights are considered from the point of view of their limitation. An attempt is made to answer the question of what are the true limits of human rights.

Keywords: law, social crisis, legal nihilism, morality, value, being, becoming, work, practice, existence, human being, human rights, restriction of rights, legal awareness, legal understanding

For citation: Gorokhov PA, Shpeka KA. Philosophical foundation for the restriction of human rights and the problem of legal nihilism: the specifics of Legal Awareness and legal understanding in the Transitional era. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(5(463):41-51. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10506.

Введение

Когда начинается размышление о философских основаниях права — прежде всего о правах человека — в качестве первой познавательной проблемы встает вопрос о том, какова связь права с поведением человека, причем поведением не биологически, а социально обусловленным. Ведь осознанные деяния человека современности так или иначе обусловлены его социальными потребностями, хотя в научной прессе появляются и попытки редуцировать волю человека к нейро-мышечным механизмам [1], человек все же остаётся существом биосоциальным. Поэтому он движим потребностями в достижении определённого социального статуса, под которым мы понимаем набор приобретенных индивидом характеристик в процессе онтогенеза (посредством *общественной жизни*), связанных прежде всего с конкретной ролью индивида в обществе или набором таковых ролей. К этим характеристикам следует отнести как индивидуальные навыки, так и психологические качества, которые позволяют задействовать труд индивида в конкретных общественных условиях (т. е. в конкретную историческую эпоху) с целью его участия в производстве общественно значимого продукта — в особом материальном процессе, который позволяет снять противоречие между индивидуальным и коллективным. Произведенный продукт в таком смысле представляет собой своеобразную реализацию этого синтеза. Степень эффективности этого синтеза, а следовательно, и удовлетворённости человеком своим бытием в системе общественных отношений обусловлен набором тех возможностей и средств их осуществления, которые предоставляет человеку общество конкретной эпохи. В свою очередь спектр возможностей-средств обусловлен потребностью самого общества в конкретном продукте (например, качество преподавания той же философии в стенах высших учебных заведений во многом обусловлено потребностью общества в философии как теоретической базе для построения целостного мировоззрения). В процессе общественных отношений индивид не столько как участник производственных отношений, сколько как личность вынужден ограничивать своё поведение определёнными рамками социальных норм, которые часто имеют форму правовых и моральных норм [2]. В связи с этим в исторические эпохи, когда превалирует свобода личности, нормы подвергаются отрицанию.

Основная часть

Индивида как личность случае определяют многие характеристики: уровень и профиль об-

разования, индивидуальный практический опыт, качества личного характера (в том числе приверженность моральным ценностям высшего уровня) и множество других, позволяющих человеку «влииться» в систему общественных отношений в качестве структурной единицы. Эти личные качества, формируемые в процессе осуществления природных задатков в направлениях, востребованных обществом, во многом обуславливают выбор мировоззренческих позиций человека.

Однако мировоззренческие позиции, несмотря на многообразие их возможностей, так или иначе обусловлены культурой *общества*. Под культурой мы понимаем прежде всего систему ценностей общесоциального характера. Поэтому любое мировоззренческое суждение (даже контркультурное), любая мировоззренческая позиция обусловлены теми ценностями, которые предоставляет сама традиционная культура. Даже отрицательное отношение к декадентской культуре (что наиболее ярко проявляется в форме различных эстетических провокаций в современном искусстве) обусловлено наличием самой этой культуры. Поэтому выбор человеком своего общественного статуса, на котором делается акцент в антропологическом подходе к правовой реальности, является относительно свободным, т. к. неразрывно связан с фактически существующими общественными отношениями в конкретный исторический период. Известно, например, что люди несемейные чаще всего оцениваются более негативно с точки зрения соответствия их жизненных установок тем ценностям, которые господствуют в российском обществе как ценности традиционного типа. Хотя институт семьи в настоящее время испытывает серьезные изменения, факт остается фактом — в глубине российской ментальности семья выступает чаще как сакральная ценность. Эти и многие другие социальные и личные качества, перечисление и исследование которых представляет собой предмет отдельного исследования, в совокупности и порождают относительно свободный выбор социального статуса личности.

Разумеется, этот статус не приобретается от рождения. В связи с этим вряд ли кто-то будет возражать против того, что сословность как «социальная группа многих докапиталистических обществ, обладающая закрепленными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями» [3] как норма отсутствует в современном российском праве, а также в системах права большинства зарубежных стран. Исключением являются монархические страны. Но и в этом случае следует констатировать, что большинство монархических государств пред-

ставляют собой по форме правления ограниченные монархии и передаваемые по наследству (в силу правовых норм) социальные роли в данном случае оказывают, во-первых, на политику государства минимальное влияние, а, во-вторых, не являются отражением тех демократических принципов (отрицающих наследование социального статуса как норму права), которые определяют основы общественного строя. Конечно, можно привести и примеры абсолютной монархии, существующие в странах Ближнего Востока, где воля монарха играет существенную роль в определении направлений политики и принятии ключевых решений. Однако наличие династического принципа наделения властью не устанавливает принцип наследования социальных ролей для общества. Если в качестве возражения привести пример кастового деления общества в Индии, то этот факт, во-первых, является исключением, а, во-вторых, формально, т. е. на юридическом уровне, сословная система каст в Индии запрещена. К тому же, придерживаясь принципа научности, мы должны обратить внимание на то, что научный анализ основывается на очевидных фактах, которыми признаются наиболее распространенные явления, получившие обобщение при помощи универсальных понятий и вошедшие в научный оборот. Исходя из этого, следует говорить, что современные государственно-правовые реалии предоставляют возможность индивиду самостоятельно определяться в качестве личности с точки зрения его социального статуса, который наиболее соответствует его мировоззренческим позициям. В качестве примера можно привести случаи, когда люди с высшим образованием принципиально определяют для себя приоритеты таким образом, что наиболее приемлемой с точки зрения их сущности является, скажем, профессия дворника, а некоторые добровольно ведут бродяжнический образ жизни, что является для них наиболее приемлемой формой существования с точки зрения осуществления их духовных потребностей.

В связи со сказанным, следует говорить о том, что человек — это прежде всего существо деятельное, осуществляющее свою деятельность для достижения определенного положения в обществе в соответствии со своим **социально обусловленным** (напрямую или опосредованно) проектом. Разумеется, что в обществе деятельность человека должна подчиняться определенным правилам, со временем приобретающих форму правовых норм, несоблюдение которых влечёт за собой государственное принуждения в виде наказания. И вряд ли когда-то общество сможет обойтись без государства как нормотворческого

аппарата, регулирующего общественную жизнь посредством множества законов и иных предписаний обязательного характера, ограничивающих свободу поведения, хотя есть авторы, высказывающие негативные оценки на счёт государства в этом смысле [4].

Так насколько тогда человек свободен в своем самоопределении, точнее насколько тесно связаны его действия по самоопределению с необходимостью? Сама постановка вопроса о свободе воли, а соответственно, и деяния подталкивает нас к рассмотрению человека с точки зрения основного вопроса философии в том виде, в котором он был сформулирован Ф. Энгельсом. Именно такая формулировка основной философской проблематики позволяет рассмотреть явления окружающего мира максимально многогранно, что способствует наиболее полному раскрытию его сущности. Да и сам факт того, что все многообразие философских систем в академическом сообществе до сих пор часто классифицируют с точки зрения решения основного вопроса философии, подтверждает его прежнее методологическое значение и в настоящее время.

В рамках же очерченной нами проблематики стоит сосредоточить внимание на следующих аспектах бытия человека.

Во-первых, человек — существо психофизическое. Поэтому в любом случае *материальность* его существования не будет ни у кого вызывать возражений. Существование человека как биологического вида (индивида) делает его несвободным, т. к. природа это — царство необходимости, где любое явление представляет собой следствие определенной причины либо комплекса причин. К. Маркс особое внимание акцентировал именно на том, что материальность человека приводит к необходимости удовлетворения в первую очередь своих насущных потребностей, прежде всего, естественного характера: пища, жилье, одежда и т. д. Преодоление необходимости в данной связи возможно только посредством *труда*. Именно способность производить и преобразовывать природу отличает человека от остального животного мира. Человек способен производить не только материальные продукты, но еще и создавать духовные блага, которые выстраиваются им в иерархическом порядке в соответствии с производимыми им ценностями, что и порождает мир культуры.

Человек — существо не только материальное, но и духовное. Это второй полюс его психофизической сущности. Как существо духовное, он способен познавать окружающий мир и, как следствие, расширять горизонт знаний о самом себе.

Но этим его духовность не ограничивается. Не менее важным с точки зрения развития общественных отношений является не только познание да, пожалуй, и не столько оно, сколько *эмоциональная* «окраска» бытия человека. В отличие от животных человек способен *переживать* влияние необходимости, что приводит к различным страданиям, тяжесть которых варьируется в зависимости от многих обстоятельств. Разумеется, преодоление этих страданий приводит к возникновению морали, основанной на осмыслении различных феноменов человеческого бытия сквозь призму духовности: любовь, счастье, тоска, отчаяние, забота, страх и т. д., которые получили широкий отклик в иррационалистических философских учениях (особенно в экзистенциализме). Названные феномены, а также иные, созвучные с ними, лежат в основании морали, ценности которой позволяют оценить причины страданий как антигуманные, соответственно недопустимые в практике общественных отношений.

Разумеется, процесс формирования моральных ценностей, основной из которых является *добро*, это процесс не сиюминутный, он требует длительного времени [5] и отличается специфическим содержанием в зависимости от материальных условий его осуществления. Ведь моральные ценности в разных культурах до сих пор отличаются друг от друга, и порой это отличие настолько сильно бросается в глаза, что порождает мнение о невозможности достичь универсальных ценностей, которые явились бы своеобразным духовным каркасом человечества, поэтому духовная сфера жизни человека трактуется как конгломерат различных культур.

В этой связи вспомним строки Киплинга из «Баллады о Западе и Востоке»:

Запад есть Запад, Восток есть Восток —
Им не сойтись никогда
До самых последних дней Земли,
до Страшного Суда!

И действительно, отличия в системах права восточных и европейских стран по-прежнему разительны. Однако эти афористичные строки в перефразированном виде можно применить и к философским категориям, рассматриваемым здесь: свобода есть свобода, а необходимость есть необходимость, и вместе им никогда не быть. Выход из этого тупика — диалектика, а точнее, взаимопроникновение противоположностей. Одно невозможно без другого, а взаимное отрицание приводит к единству и развитию в познании их содержания, а в практической плоскости к раз-

витию общественных отношений посредством синтеза индивидуального и коллективно в трудовой практике. Бесконечность практики как деятельности по преобразованию бесконечной природы — основа бесконечного существования человечества.

Существенной чертой человека, исходящей из его психофизической сущности, является его социальность. Это одновременно и слабость, и сила человека как биологического вида. Его социальность позволила ему создать мир культуры и цивилизации и навязать природе в определенной степени свои правила, объективировав знание об окружающем мире, полученное в ходе длительной практики преобразования природы. С другой стороны, социальность требует четкой регламентации общественной жизни, создавая условия для еще большей необходимости, нежели чисто природная. Связано это прежде всего с разделением труда в процессе общественного производства, что приводит к расслоению этого общества, а соответственно и неравномерному участию каждого человека в процессе производства необходимых человеку благ. Чем сильнее расслоение, тем сильнее регламентация общественной жизни. Несмотря на принцип демократизма, заложенного в системы законодательства многих стран, следует признать, что, несмотря на провозглашаемые свободы, жизнь человека в современных государствах предельно формализована и подчинена нормативному регулированию. Для иллюстрации приведем простейший пример — правила дорожного движения, которые в том виде, в котором они существуют сейчас, было сложно себе представить хотя бы сто лет назад.

Разумеется, перефразированный выше афоризм можно перефразировать и применительно к социальному расслоению: сытый есть сытый, а голодный есть голодный, и им друг друга никогда не понять. Как бы исследователи-правоведы ни старались уйти от классовой теории возникновения государства и права, но факт остается фактом — при возникновении классового противоречия, возникает и необходимость его сдерживания. Иначе его обострение может привести к полному уничтожению человеком самого общества, которое является средой человеческого существования. В этой связи становится логичным появление государства как безликого аппарата власти, лишённого всяческих эмоций, управляющего и карающего во имя всего общества. Право поэтому служит своеобразным средством управления, его нормативной базой, состоящей из предписаний дозволяющих и предписаний запрещающих. Соответственно, право как нормативное предпи-

сание очерчивает юридически (позитивно) границы дозволенного поведения. Однако можно ли говорить, что государство способно произвольно создавать запреты и является ли произвол государства в этом смысле закономерностью? Вряд ли. Ведь государство без общества — ничто. Значит, оно должно согласовывать свои цели с целями того конкретного общества, отношениями в котором оно управляет.

Но существуют ли какие-то догосударственные основания права? Такие основания, которые в той или иной форме раскрывали бы выше названные общественные цели, в соответствии с которыми государство и должно осуществлять нормотворчество и основанное на нем государственное управление? Вопрос этот может быть решен в свете постановки другого вопроса: какие иные регуляторы, помимо юридических норм, могут вообще существовать в обществе? И тут мы снова должны констатировать, что таким распространенным регулятором является мораль. Первоначально она существовала в форме табу — запретов различных ранних форм религии, основанием которых являлись преимущественно родоплеменные насущные интересы, основанные на примитивных представлениях о сверхъестественном. Постепенно в ходе истории запреты приобретают моральную окраску, которая основывается на представлениях о достоинстве человека. Специфика морали как регулятора, однако, определяется тем, что как средство управления общественными отношениями оно эффективно тогда, когда высок уровень морального сознания общества. Ведь в отличие от юридических норм, за нарушение которых государство может наказывать, применяя силу, нормы морали охраняются общественным мнением, а формой «наказания» является общественное порицание. Соответственно от широты общественного порицания и зависит эффективность морали как регулятора [6].

Важно иметь в виду, что право не всеильно, и без морали оно не способно в полной мере осуществлять функции государственного управления. Ведь государство не может проникнуть во все «закоулки» общественной жизни и следить за каждым шагом индивидов, чтобы применить санкционированное законом принуждение. Если это когда-то и произойдет, то восторжествует полный тоталитаризм (хотя научность этого термина еще может вызывать вопросы, но тотальный контроль как его основную характеристику мы можем здесь использовать). К тому же многие антигуманные поступки с точки зрения этики выглядят настолько не эстетично и вызывают отвращение, но с точки зрения права не содержат в себе составов

правонарушений, что не позволяет привлечь людей к ответственности. Например, употребление продуктов питания в лекционной аудитории вряд ли можно расценить как хулиганство или нарушение санитарно-эпидемиологических норм. Однако антиобщественность такого поведения не вызывает сомнения с точки зрения этикета. В то же время не существует таких юридических норм, которые позволили бы подобное поведение. Соответственно, закон так или иначе согласовывает свои предписания, исходящие от государства, с некими **внеюридическими** основаниями, существующими в иной форме, нежели позитивное право. На наш взгляд, таковыми основаниями являются принципы морали, основанные на идее **добра**. Поэтому само право как проявление свободы в социально приемлемой мере ограничивается не столько юридическим дозволением, сколько добром. Но если закон и добро дополняют друг друга, откуда в общественном сознании появляется правовой нигилизм?

Два десятка лет назад один из авторов этой статьи начал заниматься проблемой правового нигилизма, который определил в 1998 году как диалектическое сочетание двух явлений: *отрицания народом навязанных ему правовых норм и нарушение самим государством созданного им закона* [7]. В дальнейшем тема онтологических и гносеологических аспектов правового нигилизма была продолжена в ряде исследований [8], ибо сама жизнь несказанно богаче всех наших теоретических представлений о ней. Изменяющаяся непредсказуемым образом социокультурная реальность, в том числе и право как важная часть этой реальности, не только побуждает ученых исследовать происходящие в стране изменения, но и заставляет политиков в той или иной степени реализовывать сформированные обществоведами теоретические концепты.

Поворот к капитализму первоначального накопления в ельцинскую эпоху, последовавший после разрушения Советского Союза, привел к существенным изменениям в правовой системе страны. Если вспомнить классические слова В. И. Ленина о том, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса, то можно многое понять (но не оправдать!) в политико-правовых реалиях современной России. К сожалению, вера в действенность права, в саму идею торжества справедливости фактически полностью потеряна у наших сограждан. Эта аннигиляция веры способствует небывалому ранее распространению правового нигилизма в народных массах.

Разумеется, во все века русской истории можно найти примеры недоверия к кодифицированному

праву как продукту чуждой для народа власти (хотя Россия не является единственным примером правового нигилизма; широко известно отрицательное отношение к закону и предписаниям власти у американцев, что нашло отражение в распространенных образах героев многочисленных произведений массового искусства). Народ противопоставлял враждебную и чуждую для него идею права великой идее правды, справедливости. Отсюда важнейшей причиной правового нигилизма со стороны самого народа является отчуждение права. Таковое отчуждение выражалось в осознанном разрыве индивида или даже социума с правом. Народ демонстрировал как непонимание законов, так и пренебрежительное, а порой и враждебное к ним отношение. Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» пишет: «Русский нигилизм был уходом от мира, лежащего во зле, разрывом с семьей и со всяким установившимся бытом. Русские легче шли на этот разрыв, чем западные люди. Греховными почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека и народа» [9, с. 37].

Язык — дом бытия, как говорил М. Хайдеггер. В самом русском языке ярко выражено нигилистическое отношение к праву, основанное на недоверии и нелюбви к нему. В замечательном словаре В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» можно найти около 50 примеров недоверчивого отношения народа к праву и законам. Самые характерные примеры из этого собрания народной мудрости таковы: «Закон — паутина: шмель проскочит, муха увязнет», «Законы святы, да судьи супостаты», «Не бойся закона, бойся законника», «Закон — что дышло, куда поверни — туда и вышло». Изначально право в народной среде ассоциировалось с нечто враждебным и чуждым самой идее справедливости. Это видно из пословиц: «Если б не закон, не было б и преступника», «Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит», «Где закон, там и преступление», «Не будь закона, не стало б и греха» [10, с. 145—146].

Впрочем, как уже сказано, не стоит приписывать лишь русскому народу имманентную враждебность к праву. Во многих европейских языках без труда можно найти такие же пословицы и поговорки, в которых отражено нигилистическое отношение к праву. Даже немцы, славящиеся законопослушностью, часто говорят: «Je mehr Gesetz, je weniger Recht», то есть чем больше законов, тем меньше права. Зеркальное отражение этой поговорки: «Je weniger Gesetz, je besser Recht» — чем меньше законов, тем лучше право [11, с. 246]. Так в самой народной менталь-

ности подмечена разница между правовым идеалом и юридической реальностью, юридическим и фактическим, между сущим и должным. Кстати, отрицательное отношение к позитивному праву присуще и американцам, что отмечено влиятельным американским интеллектуалом Ф. Фукуямой: «Американцы в силу различных сложных причин не слишком законопослушны» [12, с. 20].

К росту правового нигилизма в современной России приводит целая совокупность объективных факторов. Совершенно очевидно, что правовой нигилизм является составной частью нигилистической ментальности народа. Преодолеть такую ментальность очень сложно, ибо некоторые из ее истоков укоренены в глубинах национальной психологии. Например, большей ценностью для народа обладает общинность, соборность, а не индивидуализм, жертвенность ради общего блага, а не самосохранение ради себя и своих близких, что лишний раз подчеркивает архетипичность жертвенности, основанной на представлении о добре как об универсальной ценности — индивидуальное благо возможно только посредством блага общего как основного принципа общественного сознания.

Для создания эффективного государства на бескрайних просторах нашего Отечества была нужна сильная власть. Народ это понимал и часто приветствовал. Но, увы, эта власть сама же и нарушала законы, созданные ею для сохранения и функционирования государства. Именно в российской истории всегда было необычайно сложно придерживаться аристотелевской «золотой середины» между крайностями централизма и анархического развала. А ведь именно эта середина и являет собой подлинное политико-правовое благо.

Правовой нигилизм в народной среде напрямую связан с уровнем правовой культуры. Если культура в целом делает из индивида человека, то правовая культура призвана формировать гражданина. В свою очередь она основана на должном уровне правосознания. Уровень правосознания напрямую зависит от степени совершенства таких форм общественного сознания, как мораль и право. Как мораль, так и право являются понятиями историческими, преходящими и отнюдь не постоянными. Хотя, безусловно, есть некоторые деяния, признававшиеся аморальными и преступными в рамках европейской культуры на протяжении всех веков ее существования. Многие из того, что считалось аморальным в одну эпоху, считается вполне допустимым в другой. Например, статьи 153 и 154 УК РСФСР довольно жестко карали за спекуляцию, наказывая доморощенных советских коммерсантов лишением свободы от двух до пяти лет с

конфискацией имущества. Ныне на спекуляции, то есть на перепродаже товаров и получении от этого материальной выгоды, построена весомая часть государственной экономики. Если бы ныне действовала статья 118 УК РСФСР, каравшая за мужеложство, то по ней можно было привлечь к уголовной ответственности большую часть современного эстрадного бомонда нашей страны. Однако вызывает сомнения соответствие этих норм тем добродетелям, которые традиционно входили в русскую культуру.

Да, метаморфозы правосознания довольно значительны даже на протяжении жизни одного поколения. Что уж говорить о колоссальных изменениях народной ментальности за полвека истории! Стремительность социальных изменений в современном мире (в том числе и в российском обществе) создает ценностную неразбериху, что также подталкивает к всеобъемлющему правовому нигилизму.

Все восстания, вспыхивавшие в России на протяжении ее бурной истории (под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина), проходили под хоругвями веры в «добраго царя-батюшку», который прогонит «судей неправедных» и установит подлинное, то есть справедливое право. Даже самозванец Емельян Пугачев, выдававший себя за выжившего самодержца Петра III, обещал дать людям желанную справедливость, отнятую у них вероломной императрицей Екатериной II.

В истории российского государства наблюдается одно обстоятельство: народ неизбежно стремился дистанцироваться от законников в частности и от государственной власти в целом, общаясь с ее представителями лишь в самых крайних случаях. Массовый народный правовой нигилизм появился из самых глубин народной психологии, а в советское время лишь приобрел новые нелюбимые черты.

Народ отрицал несовершенные законы государства, которые не только не понимал, но и изначально относился к ним с недоверием и опаской. Существовавшие законы не ассоциировались с правом как возвышенной идеей добра, справедливости и праведного воздаяния за грехи. И российские революции начала XX века вспыхивали, по большей части, именно от этической и аксиологической апатии, что приводило к отсутствию желания менять существующую социальную реальность в лучшую сторону.

Как бы ни хотелось замолчать это разнообразным «либеральным» очернителям, именно в советский период отечественной истории были достигнуты колоссальные успехи во многих

отраслях науки, техники и искусства. Но постепенно, начиная с 60—70-х годов XX столетия на общий уровень морали и правосознания народа стали оказывать влияние общее неверие в возможность построения коммунистического общества и его светлые идеалы. Большой ошибкой было указание на XXII съезде КПСС в 1961 году конкретных сроков построения коммунизма — к 1980 году. В реальности в состоянии, близком к коммунизму, жили лишь правящие верхи общества. Разрыв между уровнем жизни чиновничьей номенклатуры и социальным бытием простого советского человека был разительным, но все же этот разрыв не был такой зияющей пропастью, как в современной России. И ревнители коммунистической морали не всегда могли объяснить эту диспропорцию, а ныне власть вообще предпочитает ее не замечать.

На наш взгляд, в советское время всеобъемлющему правовому нигилизму в народных массах не дало развиваться одно решающее обстоятельство: на неправедную власть чаще всего можно было найти управу. С 1934 года активно действовал Комитет партийного контроля, который мог отдать «коммунистического чинушу» (слова В. И. Ленина) под суд, тем самым, восстановив желанную справедливость. Реальная возможность добиться справедливости у простого советского человека имелаась.

К сожалению, в современной России такой возможности у простого гражданина практически нет. Реалии современной жизни убедительно доказывают, что право все чаще используется как механизм для устранения политически и экономически неугодных людей в управленческой среде. Осуществляется некий преступный социальный заказ, который выполняют силовые структуры. Показательно, что в последнее время словосочетание «правоохранительные органы» окончательно уступило место названию «силовые структуры». Это тоже свидетельство растущего правового нигилизма.

Попавшему в жернова судебной машины человеку шансов выбраться оттуда духовно и физически непокалеченным фактически нет. Процент оправдательных приговоров в современной России составляет около 0,5 %, в то время как при Сталине на пике репрессий он составлял 13,4 %. Это не может не способствовать развитию всеобъемлющего правового нигилизма в широких народных массах современной России. Чувство безысходности, социальная апатия, неуверенность в завтрашнем дне также не способствуют развитию высокого уровня правосознания. С одной стороны, существующие законы часто вообще

не «работают», а с другой стороны, наблюдается нежелание не только соблюдать, но и знать эти законы, ибо в народе укоренилось твердое убеждение в бесполезности права для простого человека.

Быстротечность изменений в российском обществе на сегодня настолько очевидна, что не нуждается в обстоятельных обоснованиях. Изменения эти помимо внутренних факторов осложняются непрогнозируемыми (такими, как коронавирусная инфекция и связанная с ней самоизоляция) сценариями развития. Можно долго дискутировать о причинах или комплексах таких причин, которые лежат в основе социально-политических трансформаций. Но факт остаётся фактом — многие граждане РФ еще в недавнем прошлом были гражданами одного государства, а сегодня уже другого. А смена государственной парадигмы (совокупности принципиальных идей, лежащих в основе государственного управления) — явление общественной жизни, которое нельзя назвать заурядным. Разумеется, таким преобразованиям сопутствовали и изменения в законодательстве, которое так или иначе фиксирует на формальном уровне эту самую государственную парадигму.

Неоспоримым также является тот факт, что в существующей правовой системе одним из приоритетных моментов выступают идеи частной собственности на основные средства производства и права человека. Последние в свою очередь представляют собой идеальную основу для законодательного закрепления права частной собственности (еще раз повторюсь: на основные средства производства, т. к. советское право также знало частную собственность, но это право распространялось только на вещи, связанные с удовлетворением личных потребительских нужд).

Конституция РФ провозглашает широкий комплекс прав граждан, что позволяет реализовать на практике идею свободы личности. Соответственно и само правопонимание должно было трансформироваться, т. к. предыдущая эпоха акцентировала особое внимание на классовости в правосознании. Соответственно ценности современного правопонимания так или иначе должны воспроизводить в снятой форме ключевые ценности предыдущей исторической эпохи. Но так ли это в реальности?

Для ответа на этот вопрос нам нужно обратиться к понятию «переход» (кризис). На уровне бытового сознания при упоминании кризиса сразу появляются отрицательные ассоциации. Однако, если исходить из этимологии этого слова, то под ним нужно понимать переход от одного качественного состояния к иному, более высокому. Такой переход без коренной ломки устоявшихся

общественных отношений вряд ли возможен. Соответственно и традиционное правопонимание в этом процессе представляет собой теоретический аналог устойчивости, что исключает прогрессивное движение. Кризис как переход требует, как бы это ни звучало цинично, «трезвого» отношения к традиционности, но это не значит, что полное отрицание прошлого является условием развития, но в то же время воспроизводство прошлого до бесконечности невозможно.

Если взглянуть на современные реалии с точки зрения развития технологий, основанных на росте научного знания, то они начинают существенным образом влиять, например, на гендерную составляющую общественного сознания. Сегодня индивиды могут выбирать, подчеркнём это, свою социокультурную принадлежность (гендерность) в смысле набора определённых половых ролей, не говоря уже о медицинской возможности трансформации своей половой принадлежности. Разумеется, это идет вразрез с устоявшимися традиционными ценностями, которые так или иначе воспроизводятся и в правопонимании. В связи с этим опять вспоминается Ф. Фукуяма, который после своей скандально нашумевшей книги «Конец истории» вынужден был написать другую не менее скандальную «Последний человек и наше постчеловеческое будущее», где высказал мнение, что история человечества (в качественном, а не количественном смысле) не закончится, пока не закончится развитие науки. К тому же он уже начал высказывать опасения, что возможность свободного самоопределения личности, которую предоставляют современные научные технологии, могут привести, наоборот, к господству необходимости, имея в виду генную инженерию. Точнее те случаи, когда человеческий эмбрион будет модифицироваться в соответствии с пожеланиями родителей. Можно представить себе и ситуацию, когда человек как индивид продуцируется в пробирке в лабораторных условиях с заранее внедренным генотипом. Это, конечно, предположения, которые граничат с футурологией.

Но так или иначе переходная эпоха характеризуется превалированием личного над общим. Поэтому она всегда в качестве признака несёт в себе ценности антисистемного характера. *В такие периоды человек как высшая ценность становится лейтмотивом теоретических размышлений.* Современное правопонимание переживает своеобразный «бум». Это прослеживается в многочисленных теоретических работах. Для большинства из них характерно стремление «очеловечить» юриспруденцию, направить вектор юридической практики на реальные проблемы бытия человека.

Разумеется, невозможно рассматривать право отдельно от человека — сущность права неразрывно связана с фундаментальными принципами человеческой жизни и общежития.

Да, внутренняя сущность права обусловлена особой природой человека, необходимостью свободы и самоопределения. Права и свободы человека — это то основное, глубинное в праве, без чего немислимо полноценная жизнь индивида. Бытия человека в мире права — вот что выступает надежным показателем цивилизованности любой правовой системы. В переходную эпоху от права-веда, пожалуй, требуется сила воли, чтобы не следовать в русле традиционного правопонимания, но при этом быть способным к открытию теоретических горизонтов для дальнейшего развития правопонимания в рамках диалектики свободы и необходимости.

Права и свободы человека и гражданина — это, конечно же, та, возможно, единственная ценностная система, которая способна примирить человека с окружающим его обществом и с государством, преодолеть их взаимное отчуждение. Признавая права и свободы других, я требую к себе такого же отношения. *Мое право на достойное существование, уважение ко мне как личности, так же как и право мне подобных, становится единственной ценностью, которая связывает меня с правовым порядком.* Не случайно апелляция к правам человека и гражданина — распространенная форма легитимации социального протеста в сегодняшнем обществе. Всё так, но вместе с тем эти права и свободы имеют свою позитивную форму. Они отражены в системообразующих нормативно-правовых актах: конституциях, международных декларациях универсальных международных организаций и т. п. Содержание их предельно формализовано и охватить весь спектр реальных (конкретных) общественных отношений (прежде всего, на межличностном уровне) они не могут. Что очень часто приводит к *злоупотреблению правами человека* (достаточно посмотреть хотя бы одно телешоу, где скабрёзность, казалось бы, переходит все границы, но при этом всё протекает в рамках дозволенного). Соответственно, деяния, основанные на таких мировоззренческих основаниях, чреватые *правовым нигилизмом*, т. е. выходом за рамки дозволенного поведения, установленные не позитивным правом, а *идеей добра*.

В обществах переходных эпох скорость общественных изменений колоссальна, что «размыва-

ет» традиционные ценности до неузнаваемости. В переходные периоды общество как никогда нуждается в ценностях социоцентристского правопонимания (солидарности, ответственности, обязанностях по отношению к обществу, природе, Богу, наконец, если общество религиозно). Такое правопонимание должно обеспечивать в переходный период плавность правового развития. Казалось бы, да. Но переход к качественно новым общественным отношениям невозможен без индивидуалистского правопонимания. Однако в кризисном обществе индивидуализм обычно оборачивается господством олигархического меньшинства в условиях резкого общественного расслоения.

Поэтому современное правопонимание, основанное исключительно на ценностях индивидуализма, будет приводить только к усилению правового нигилизма, который знаменует кризисный период развития права переходных эпох.

Заключение

Таким образом, психофизический характер бытия человека как прямо, так и косвенно детерминирует процесс становления человека и общества посредством трудовой деятельности. Право, как и другие формы общественного сознания, направляют этот процесс в социально приемлемое русло, используя специфические методы регулирования общественных отношений. Мораль «корректирует», дополняет право, основанное на государственном принуждении. Периоды, когда труд человека выходит за рамки системы сложившихся общественных отношений, основанных в свою очередь на определённой системе производственных отношений, характеризуются кризисом общественного сознания, в том числе и правосознания, основанного на конкретном типе правопонимания. Правовой нигилизм — проявление кризиса правосознания и правопонимания. Он основан на ценностях индивидуалистического толка. Высокая степень правового нигилизма затрудняет становление права в частности и общественного сознания в целом. Вместе с тем правовой нигилизм — атрибутивный признак переходных состояний права, поэтому снижение степени его распространения возможно при условии пропаганды идеи добра и добродетели как его проявления в практике человеческой деятельности посредством максимально широкого спектра общественных учреждений.

Список литературы

1. Dorenbosch M. M. The idea of Will. URL: <https://web-archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/9841/index.html> (дата обращения: 18.05.2022).

2. Cosmides L, Guzman R. A., Tooby J. The Evolution of Moral Cognition. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0sh5f06z> (дата обращения: 18.05.2022).
3. Сословие. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44678> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Bruno L. Freedom and the Law. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/kemp-freedom-and-the-law-lf-ed> (дата обращения: 18.05.2022).
5. Krellenstein M. A modern nihilism. URL: <https://web-archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/8795/3/a-modern-nihilism.html> (дата обращения: 18.05.2022).
6. Robinson W. L. The metaphysics of morality: dispositionalist account. URL: <https://escholarship.org/uc/item/6c24r6tc> (дата обращения: 18.05.2022).
7. Горохов П. А. Проблема оснований правового нигилизма (гносеологический аспект) Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Оренбург, 1998. 150 с.
8. Горохов П. А. Правовой нигилизм: опыт философского анализа. Saarbrücken : LAP, 2011. 212 с.
9. Горохов П. А. Правовой нигилизм государственных структур России как проблема философии права // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1-4), № 3. С. 340—346.
10. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМГА-PRESS, 1955 г. М. : Наука, 1990. 224 с.
11. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1987. 543 с.
12. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки (Sprichwörterlexikon) : словарь. М. : Высш. шк., 1989. 392 с.
13. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. 220 с.

References

1. Dorenbosch MM. The idea of Will. Available from: <https://web-archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/9841/index.html>. (In Russ.).
2. Cosmides L, Guzman RA, Tooby J . The Evolution of Moral Cognition. Available from: <https://escholarship.org/uc/item/0sh5f06z>. (In Russ.).
3. Soslovie. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44678>. (In Russ.).
4. Bruno L. Freedom and the Law. Available from: <https://oll.libertyfund.org/title/kemp-freedom-and-the-law-lf-ed>. (In Russ.).
5. Krellenstein M. A modern nihilism. Available from: <https://web-archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/8795/3/a-modern-nihilism.html>. (In Russ.).
6. Robinson WL. The metaphysics of morality: dispositionalist account. Available from: <https://escholarship.org/uc/item/6c24r6tc>. (In Russ.).
7. Gorohov PA. Problema osnovanij pravovogo nigilizma (gnoseologicheskij aspekt). Thesis. Orenburg; 1998. 150 p. (In Russ.).
8. Gorohov PA. Pravovoj nigilizm: opyt filosofskogo analiza. Saarbrücken: LAP; 2011. 212 p. (In Russ.).
9. Gorohov PA. Pravovoj nigilizm gosudarstvennyh struktur Rossii kak problema filosofii prava. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2017;25(3):340-346. (In Russ.).
10. Berdyayev NA. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. (In Russ.).
10. Dal' VI. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda. Moscow; 1987. 543 p. (In Russ.).
11. Bajer H, Bajer A. Nemeckie poslovicy i pogovorki (Sprichwörterlexikon). Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 392 p. (In Russ.).
12. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke. Moscow; 2006. 220 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Шпека К. А. — кандидат философских наук, доцент.

Горохов П. А. — доктор философских наук, профессор.

Information about authors:

Shpeka K. A. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Gorokhov P. A. — Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 05.06.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 05.06.2022.

Вклад авторов: введение, заключение и первые 14 абзацев основной части написаны Шпека Константином Александровичем, остальной текст подготовлен Гороховым Павлом Александровичем.

Contribution of the authors: introduction, conclusion and the first 14 paragraphs of the main part were written by Konstantin Aleksandrovich Shpeka, the rest of the text was prepared by Pavel Aleksandrovich Gorokhov.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.